

Книги Кормака Маккарти,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

САТТРИ

КРОВАВЫЙ МЕРИДИАН

СТАРИКАМ ТУТ НЕ МЕСТО

ДОРОГА

ПОГРАНИЧНАЯ ТРИЛОГИЯ

КОНИ, КОНИ...

ЗА ЧЕРТОЙ

СОДОМ И ГОМОРРА:

Города окрестности сей

КОРМАК МАККАРТИ

Саттри

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 15

Cormac McCarthy
SUTTREE

Copyright © 1979 by Cormac McCarthy
All rights reserved

Перевод с английского Максима Немцова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19011-5

© М. В. Немцов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Авторы такого калибра сражаются с самими богами.

Washington Post Book World

Маккарти — ни больше ни меньше как величайший из наших ныне живущих авторов.

Houston Chronicle

В «Саттри» Маккарти демонстрирует поистине фолкнеровский юмор и галерею гротесков, которой могла бы позавидовать сама Фланнери О'Коннор. Настоящая южная готика!

Times Literary Supplement

Немыслимое — и притом совершенно органичное — сочетание «Улисса» Джеймса Джойса и «Консервного ряда» Джона Стейнбека.

New York Times

Вечная проблема для рецензента: книги Маккарти всегда настолько хороши, что этого не выразить словами. И пожалуй, «Саттри» — его главный шедевр. Это самая забавная и притом невыносимо печальная книга Маккарти; практически автобиография.

Стэнли Бут

Эта книга обрушивается на вас, как потоп. Маккарти не щадит ни героев, ни себя, а сам Саттри подобен обреченному Гекльберри Финну.

Джером Чарин

Незабываемая американская комедия от крайне оригинального рассказчика.

*Нельсон Олзрен
(Chicago Tribune Book World)*

Обязательно к прочтению, восхищению и — что уж скрывать — зависти.

Ральф Эллисон

Абсолютно подавляющее владение языком... его фразы живительны и губительны.

Сол Беллоу

Прирожденный рассказчик, на глазах ставший современным классиком.

Роберт Пеш Уоррен

Все творчество Маккарти пронизано импульсом сродни религиозному; своей абсолютной самодостаточностью оно внушает благоговейный ужас.

Эни Эпрайт

Его слог подобен библейскому — гипнотично-галлюцинаторен и обладает поистине евангельской мощью.

Стивен Кунз

Демонстрируя в своей насыщенной прозе темную сторону человеческой природы, Маккарти учит читателя не бояться экзистенциального вызова.

Энни Пру

Наследник Фолкнера по прямой, мастер безупречного диалога и черной трагикомедии.

New Republic

Маккарти исследует вопросы вины и ответственности, любви и моральной неопределенности, забвения и силы воспоминаний.

St. Petersburg Times

Кристалльно ясная проза Маккарти так и пульсирует жизнью, читать его одно удовольствие.

San Francisco Chronicle

Южный стиль во всей красе: лихое красноречие, замысловатая ритмика, поразительная точность.

New York Times

Маккарти — истинный американский оригинал.

Newsweek

Маккарти... напоминает нашего Владимира Сорокина. Они используют совершенно одинаковые приемы по отношению к тексту. Но если тексты Сорокина сходят с ума на уровне синтаксиса и лексики, у Маккарти то же самое происходит на уровне фабулы. Если Сорокин работает с советским стилем и вообще с реализмом как таковым, то Маккарти — со своими классическими национальными жанрами: вестерн, детектив, американская пастораль (в стиле Фолкнера или Стейнбека), которые в середине книги переживают полнейшую мутацию, удивительный галлюциноз.

Time Out (Петербург)

Проза Маккарти, при всей своей мастерской лаконичности, вызывает невероятно яркое ощущение присутствия.

St. Louis Post-Dispatch

Проза его обволакивает читателя постепенно: сперва под ногами у тебя возникает земля, потом над головой распахивается небо. Мир Кормака Маккарти — это старый мир, более просторный, чем тот, к которому мы привыкли; это мир, не терпящий спешки, мир моральных абсолютов, мир, открыто противопоставленный современности.

New Republic

Если из историй Маккарти извлечь некую жизненную философию, сведется она к следующему: от судьбы не уйдешь; то, что мнится нам выбором, таковым лишь мнится; предав собственное сердце, готовься к неизбежному возмездию; а следуя велению сердца, нельзя быть уверенным ни в чем.

Publishers Weekly

Филигранная проза Маккарти уводит читателя на далекий, пронизываемый ветром горный перевал, откуда открывается вид неземной красоты.

The Boston Globe

Если вы любите увлекательные приключения, преображенные магией слова в нечто большее, то ваш час настал.

Chicago Tribune

Современная американская классика, не уступающая величайшим литературным достижениям века.

San Francisco Chronicle

Автор желает выразить благодарность Американской академии искусств и литературы, Фонду Рокфеллера и Мемориальному фонду Джона Саймона Гуггенхайма.

Милый друг, ныне в пыльные, часами не размеченные часы городка, когда улицы лежат черные и паром исходят за поливальными машинами, и ныне, когда пьяных и бездомных вымыло под защиту стен в переулках или на заброшенных пустырях, и кошки выступают вперед, высоко подняв плечи и поджарые, по мрачным периметрам вокруг, ныне в этих закопченных кирпичных или булыжных коридорах, где из теней от проводов получается готическая арфа дверей в подвал, ни единая душа да не пройдет, кроме тебя.

Старые каменные стены, не проवेशенные ненастьем, окаменелые кости, застрялые в своих свиялях, известняковые скарабеи складками в полу этого некогда внутреннего моря. Тонкие темные деревья сквозь те вон железные палисады, где мертвые держат свою малую метрополию. Занятная мраморная архитектура, стела и обелиск, крест и маленькие стертые дождем камни, где с годами тускнеют имена. Земля набита образчиками гробовицкого ремесла, пыльными костями да истлевшим шелком, смертное облаченье испятнано падалью. Там под синим светом фонарей во тьму убегают трамвайные рельсы, изогнутые петушьей пятой в томпаковых сумерках. Сталь подтекает дневной жарой, ее чувствуешь сквозь донья башмаков. Мимо этих складских стен из гофры вниз по песчаным улочкам, где вдребезги сдувшиеся авто куксятся на пьедесталах шлакоблоков. Сквозь садки сумаха и лаконоса и увядающую жимолость, уступающую отдранным глиняным откосам железной дороги. В этом Северном полушарии серые лианы свертываются влево, что закручивает их, лепит и раковинку багрянки. Бурьян, прорастаю-

щий из шлака и кирпича. Паровой экскаватор, высящийся в одинокой заброшенности против ночного неба. Переходи тут. Мимо крестовин и накладок, где паровозы кашляют, как львы, во тьме депо. К городку потемней, мимо фонарей, дослепу забитых камнями, мимо дымящихся покосившихся хибар, и фаянсовых собак, и раскрашенных шин, где растут грязные цветы. По мостовым, драным от развалин, медленного катаклизма небреженья, проводов, что отвисшими пучками тянутся от столба к столбу поперек созвездий, увешаны бечевками от змеев, с колотушками бросательных концов, смастыренных из опутанных бутылок или игрушек детворы помельче. Бивак проклятых. Околотки, быть может, где каплющие прокаженные бродят без бубенцов. Над жарою и недостоверным горизонтом большого города только что взошла латунная луна, и тучки бегут перед нею разбавленной тушью. Здания, отчеканенные супротив ночи, все равно что оплот заброшенного мира подале, старые цели забыты. Селяне сходятся со многих миль, земля налипла им на башмаки, и сидят весь день, как немые на рынке. Город этот не выстроен ни по какому известному образцу, дворняжья архитектура просматривается сквозь толщину трудов человеческих краткой обрисовкой искаженного, беспорядочного и умалишенного. Карнавал очерков, воздвигшийся на речной равнине, что иссушила сок земной на мили вокруг.

Фабричные стены из старого темного кирпича, пути железнодорожной ветки, заросшие бурьяном, течение мерзкой синей канавы, где в потоке кольшутся темные волокна безмянных отбросов. Жестяные заплаты среди стекла в проржавленных оконных рамах. В шарике уличного фонаря лунный оскал там, куда попал камень, и из этого отверстия ниспадает постоянная спираль дерзающих насекомых, слабый и нескончаемый дождик все тех же форм, обожженных и безжизненных.

Здесь у устья ручья поля бегут дальше к реке, а ил раздельтился и обнажает из-под своего густого наноса затаенные кости и жуткие отбросы, обломки ящиков и кондомы,

и фруктовую кожуру. Старые жестянки, и банки, и испорченная утварь, что вздымаются из каловой трясины низин, словно достопримечательности в неторных долах раннего слабоумия. Мир за пределами всякой фантазии, злонамеренный, и осязаемый, и разобщенный, перегоревшие лампочки, как состриженные полипы, полупрозрачные и цвета черепа, слепо бултыхаются внизу, и призрачные глаза масляных разводов, и, по временам, выброшенные на мель вонючие фигурки людских зародышей, вздутых, как юные птицы, лунноглазых и синеватых или тухло-серых. Дальше во тьме река течет слизняковой жижей к южным морям, выбегая из прибитой дождем кукурузы, и мелких огородов, и садов землепользователей в глубинке округа на речных суглинках, перетираясь дальше костяной мукой, отягощенная прошлым, сны где-то растворились в воде, ничего так и не потерялось. За свои перлины держатся плавучие дома. Грязь мелководий вдоль берега лежит ребристая и склизкая, словно пещеристый сляб ворвани какого-то зверя, обвалившегося громадой, а за ним простор катится к югу и горам. Там, где некогда, не снимая сапог при умирающем свете тысяч своих костров, спали охотники и дровосеки и шли дальше, старые тевтонские отцы-основатели с очами, пылающими от провидческого света громаднейшей ненасытности, волна за волной неистовых и безумных, мозги их раскопчегарены не оставившими следа аналогами всего, что было, сухопарые арии с их упраздненной семитской брошюркой разыгрывают драмы и притчи, в одной содержащиеся и бессмысленные, и бледные от томленья, кое ничто не уймет, кроме полного возмещенья тьмы.

Мы пришли в мир внутри мира. В сих чуждых пределах, эти вопреки всему клоаки и межзубочные шлаки, какие праведники замечают из повозки и вагона, сновидит другая жизнь. Искоруженные, или черные, или с помутившимся рассудком, беглецы от любого порядка, чужестранцы во всякой земле.

Ночь тиха. Словно бивак перед битвой. Город осажден неведомой тварью, и из лесу явится она или из моря? Стенов-

щики обнесли посад, ворота заперты, но чу, тварь внутри, и угадаешь ли очерк его? Где он содержится или каков раскос его лица? Ткач ли он, окровавленный челнок, простреленный сквозь основу ткани времени, чесальщик ли душ из ворса мира? Или охотник с гончими, или костяные кони влекут труповозку его по улицам, и объявляет ли он всякому ремесло свое? Милый друг, не стоит о нем надолго задумываться, ибо именно сим образом приглашается он войти.

Остальное и впрямь безмолвие. Начался дождь. Легкий летний дождь, видишь, как падает он косо в огнях городка. Река лежит в гравийном граале покоя. Отсюда, с моста, мир внизу мнится даром простоты. Любопытно, не более того. Там, внизу, в гротах падшего света от камня к камню проступает кошка по бульжнику, жидко черная и нашитая частыми антиподами по темной от дождя улице, дабы исчезнуть, кошка и противокошка, в расщепленных цехах подале. Слабая летняя зрница сильно ниже по реке. Над западным миром подымается занавес. Тонкий дождь копоти, дохлых жуков, безымянных мелких косточек. Публика сидит в паутине пыли. В вытрошенных глазницах черепа у собеседника спит паучок, и состыкованные развалины повешенного дурака болтаются с засиженных мухами колосников, костяной маятник в шутовском наряде. По половицам туда и сюда бродят четвероногие тени. Выживают те формы, что погубей.

Вглядываясь в воду, где утреннее солнце мастерило колеса света, венчики веером, в которые попалась каждая веточка, всякая крупца осадка, долгие хлопья и лезвия света в пыльной воде, — ускользя прочь, словно зрительные всполохи там, где цедились и прялись пылинки. Рука свисает за планширь, а он лежит наискось ялика, носок одного тапка периодически чиркает, оставляя ямочки на реке от того, что лодку слегка качает, как люльку, покуда она дрейфует вниз по реке под мостом и медленно мимо заляпанных илом опор. Под высокие прохладные арки и темные башни под днищем пролета, где лопочут голуби, а полый хлоп их крыл откликается строгими аплодисментами. Глядя вверх на эти храмовые своды с их окаменелыми древесными узлами и псевдоморфными шляпками гвоздей в сером бетоне, проплывая, а косая тень моста клонится поперек всей речной шири с той стремглавой иллюзией, что предполагается старыми гонщиками за кубок, замершими на фотопластинах, их колеса эллиптичны от скорости. Тени эти образуются над яликом, вмещают его простертую фигуру и минуют.

Уместив челюсть в изгиб локтя, он праздно наблюдал поверхностные явления, вялую работенку сточных водоотводов, серые сгустки безымянных отходов и желтых кондомов, медленно вздымающихся из мути, словно некая исполинская разновидность палтуса или ленточного червя. Лицо наблюдателя ехало рядом с яликом, изображение сепией, рыскающее в плавучей пакости, глаза — веерное и водянистое кривлянье. На поверхности реки вяло изогнулся рубец, как будто нечто незримое шевельнулось в глубинах, и в масляных призраках изверглись мелкие пузырьки.

Под мостом он выпрямился и сел прямо, взял весла и погреб к южному берегу. Там развернул ялик, махнув кормой в ивовую купу, и, перейдя на транец, поднял тяжелую перетягу, сбегавшую в воду от железной трубы, вбитой в береговую грязь. Линь пропустил сквозь открытую уключину, закрепленную на транце ялика. И вот выгреб снова, медленно, линь мокро и плавно скользил через замок и вновь окунался в реку. Когда оказался футах в тридцати от берега, поднялась первая подвеска, и линь сдвоился, пока он не дотянулся и не сбросил его. Так и плыл дальше, ялик слегка скулой против сноса реки, крючки один за другим подъезжали к уключине со своими выщелоченными и драными плюхами плоти. Ощувив тяжесть первой рыбы, он посушил каплющие весла и взялся за линь сам, вывел его вручную. Из воды вырвался крупный сазан, грубый бок в чешуе тускло-бронзовый и блестящий. Уперся покрепче, привязал свежий крючок с куском наживки, перекинул его через борт и поплыл дальше, галаня одним веслом, а сазан тяжело корчился на пайолах.

Закончив выбирать линь, он уже оказался на другом берегу реки. Перенаживил последнюю подвеску и отпустил тяжелый линь, проводив его взглядом, пока тонул тот в мутной воде, окруженный звездчатым ореолом солнечных пылинок, сломанной короны, сквозь которую на миг вспыхнул последний шматок тухлого мяса. Переложив на борту весла, он снова растянулся на банках, чтобы впитать солнце. Ялик медленно покачивался, дрейфуя по реке. Он расстегнул рубашку до пояса и одной рукою прикрыл глаза. Было слышно, как под ним мягко лепечет река, тяжелая старая река с морщинистым лицом. Под скользящей водой пушки и лафеты, цапфы заело, ржавеют в грязи, финки догнили до консистенции слизи. Баснословные осетры с их рогами пятиугольными тушками, медянистые и плотвяно-яркие сазаны и сомики с их бледными и безлитниковыми брюшками, густая жижа, вся пропшигованная битым стеклом, костями и боем фаянсовой посуды, сетчатым от грязево-черных кракелюров. За рекой вздымались известняковые уте-

сы, серые и грубо граненые, затянутые травой по обрывам в тонких зеленых разломах. Там, где свешивались над водой, набрасывали они прохладную тень, и поверхность лежала спокойной и темной и отражала, как беленькую звездочку, очертанья зуйка, парящего на восходящих тягах от края откоса. Под банкой ялика сухо и бескомпромиссно, уткнувшись лицом в переборку, плыл сомик.

Миная ручейное устье, он поднял руку и медленно помахал, старики-черные, все в цветах и шляпках, вывалили, словно кренящийся от ветра сад, с их качкими тростями, руки воздеты, темные и случайные, в воздух, их аляповатые и дикарские костюмы парусили от движения. За ними очерк города, вздымаясь, вид имел кованный, надсаженный, молотом выколоченный, темный и дымящийся против фарфорового неба. Чумазное речное побережье лежало, гнущее и мерцающее, на жаре, и никакого звука не раздавалось в этом одиноком летнем предполуденье.

Ниже рамных опор железной дороги он принялся проверять свой второй перемет. Вода была на ощупь тепла, и чувствовалась в ней зернистая смазочность, как у графита. Когда же закончил, был уже полный полдень, и на миг он встал в ялике, оглядывая улов. Обрато вверх по реке погреб медленно, рыбы бились в тонком сером днище ялика, их мягкие усики с тупым изумленьем ощупывали осклизлые пайолы, а спинки там, где изгибались они на солнечный свет, уже обесцвечивались до бескровной бледности. Поскрипывали в степсах латунные уключины, и речная вода курчавилась с тягучестью от носовой обшивки и ложилась за яликом в кильватере бороздою в трясине.

Он выгреб из-под тени откосов и проплыл мимо песчано-гравийной компании, а затем вдоль голых и пыльных пустырей, где по шлаковым насыпям бежали рельсы, а на тупиковых ветках окислялись товарные вагоны, мимо складов из оцинкованной и гофрированной жести, установленных на равнинах, выдолбленных из кирпичного цвета земли, откуда торчали ромбовидные и завитые очерки известняка, крапчатые от грязи, как громадные вымытые на сушу кос-

ти. Он уж пустился было за реку, когда увидел у берега спасательные катера. Те тралили в протоке, а с суши наблюдала небольшая толпа. Два белых катера, слегка окутанные жарой и медленным голубым дымком выхлопов, слабое пыхтение двигателей разносилось по спокойствию реки. Он пересек реку и подгрел к краю протоки. Катера стояли борт к борту, на одном движок заглохли. На спасателях были кепки яхтсменов, и делом своим они занимались мрачно. Когда рыболов проплывал, они втаскивали на борт мертвеца. Тот весьма окоченел и походил на манекен из витрины, если не брать в расчет его лицо. Оно казалось мягким и вздутым, сбоку его украшал крюк-кошка, оно сумасшедше щерилось. Так они его и подняли — с распертыми костями скул. Бледная бескровная рана. Казалось, он деревянно возражает, голова набекрень. Его втянули на палубу, где и лег он в своем мокром костюме из жатки и носках лимонного оттенка, щерясь на работников белоглазо, с крюком в лице, словно какой-то непристойный водяной гомункул, притащенный тралом, кого свет Божьего дня в тот же миг поразил насмерть.

Рыболов проплыл мимо и вытащил ялик на берег выше по реке от толпы. На швартов он накатил камень и подошел посмотреть сам. Близился спасательный катер, и один работник стоял над трупом на коленях, стараясь отцепить кошку. Толпа за ним наблюдала, а он потел и старался извлечь крюк. Наконец уперся башмаком в череп мертвеца и вывернул крюк обеими руками — тот оторвался, таща за собой волокнистый кус обесцвеченной плоти.

На берег его снесли на брезентовых носилках и уложили на траву, откуда он пялился на солнце осушенными глазами, с этой своей ухмылкой. Из вялого воздуха уже сгустился спутанный клубок мух. Работники накрыли мертвеца грубым серым одеялом. Стопы его остались торчать.

Рыболов собрался было уходить, когда кто-то из толпы взял его за локоть. Эгей, Саттри.

Он обернулся. Эгей, Джо, сказал он. Видал?

Не. Говорят, вчера ночью прыгнул. Ботинки на мосту нашли.

Они постояли и поглядели на мертвеца. Работники спасательного отряда сворачивали тросы и распутывали снасти. Толпа уже напирала, как плакальщики, и оказалось, что рыболов с его приятелем проходят мимо мертвеца, словно отдают ему последние почести. Тот лежал в желтых носках, а по одеялу ползали мухи, и одна рука вытянулась в траву. Часы он носил на внутренней стороне запястья, как некоторые, и Саттри, проходя, заметил с чувством, которого не мог назвать, что часы у мертвеца еще идут.

Скверный это способ выписываться, сказал Джо.

Пошли.

Они двинулись мимо шлака обок железнодорожной насыпи. Саттри потирал мягко пульсирующую мышцу созерцательной своей челюсти.

Какой дорогой пойдешь? спросил Джо.

Вот сюда. У меня лодка.

Еще рыбалишь?

Ну.

Чего ты вообще за это взялся?

Не знаю, ответил Саттри. Тогда казалось, что это неплохая мысль.

В верхнем городе бываешь?

Иногда.

Зашел бы на Угол как-нибудь вечером, по пивку б тяпнули.

На днях доберусь.

Сегодня рыбалишь?

Ну. Немного.

Джо за ним наблюдал. Слушай, сказал он. У «Миллера» б поднялся. Брат говорил, им был кто-то нужен в мужской обуви.

Саттри посмотрел в землю и улыбнулся, вытер рот тылом ладони и снова поднял взгляд. Ну, произнес он, я, наверно, пока еще немного реки подержусь.

Ну, заходи вечерком.

Зайду.

Каждый поднял руку на прощание, и он смотрел вслед парнишке, пока тот взбирался на насыпь, а затем через поля двигал к дороге. Затем сам спустился к ялику, вытянул швартов и швырнул его в лодку, а ее снова столкнул в реку. Мертвец все еще лежал на берегу под одеялом, но толпа уже расходилась. Он погреб через реку.

Ялик развернул под мостом к берегу, посушил весла и остался сидеть, глядя на рыбу. Выбрал голубого сомика и поднял его за жаберные щели, упершись большим пальцем ему в мягкое желтое горлышко. Оно разок сократилось и сделалось недвижно. С весел в реку капало. Он выбрался из ялика, и привязался к пикетажному кольшку, и стал взбираться по скользкому вытоптанному откосу к аркам там, где мост уже уходил в землю. Тут темная пещера под бетонным сводом, вокруг входа навалены камни, а по валуну желтой краской грубо намалевано вход воспрещен. В каменном гуррии на зловонной и бессолнечной глине горел огонь, а перед ним на корточках сидел старик. Старик поднял на него взгляд, а затем вновь уставился на огонь.

Я тебе сомика принес, сказал Саттри.

Тот пробурчал и поводит рукой в воздухе. Саттри положил рыбину, и старик сощурился на нее, а затем поворошил угли в огне. Сядь, сказал он.

Он присел на корточки.

Старик рассматривал жидкие язычки пламени. Приглушенно рокоча, над ними изредка ездили машины. В огне вспухала волдырями картошка, ее обугленные мундиры трескались, тихо шипя, словно мелкие организмы, издыхающие на углях. Старик подцепил их из пепла, раз, два, три черных дымящихся камня. Сгрудил их в ржавый колесный колпак. Бери себе тошку, сказал он.

Саттри поднял руку. Он не ответил, ибо знал, что старик предлагать станет трижды, и слова отказа нужно отмерять. Старик наклонил банку, из которой шел пар, и вглядывался в ее нутро. В речной воде варилась горсть фасоли. Он воз-

вел разоренные глаза и выглянул из-под балки клочковатой кости, что их затеняла. Теперь я тебя помню, сказал он. С тех пор, как ты еще совсем малявка был. Саттри так не считал, но кивнул. Старик, бывало, ходил от двери к двери, и у него куклы и медведи разговаривали.

Валяй, бери себе тошку, сказал он.

Спасибо, ответил Саттри. Уже поел.

Из мучнистой сердцевины картофелины, которую он разломил в руках, пер сырой пар. Саттри выглянул на реку. Люблю я горяченьким поужинать, а ты? сказал старик.

Саттри кивнул. Арочные вайи сумаха подрагивали в полуденной жаре, а в ребристых перемышках моста бранились и ворковали голуби. От затененной земли, где он сидел на корточках, несло застойным духом склепа.

Ты ж не видел, как мужик прыгнул, правда? спросил Саттри.

Тот покачал головой. Старый тряпичник, жидкие брылы его колыхнулись. Видал, как драгировали, ответил он. Нашли?

Да.

Чего прыгал-то?

Кажись, не сказал.

Я б не стал. А ты?

Надеюсь, что нет. Сегодня утром в город ходил?

Не, я уже не хожу. Квельый я уже туда ходить.

Что стряслось?

Батюшки-светы, не знаю. Говорят, смерть подкрадывается, аки тать в ночи, ну и где она? Я б ее за шею обнял.

Ну, только с моста не прыгай.

Ни за что б и не стал.

Похоже, прыгают всегда в жару.

Погода еще хужее станет, сказал тряпичник. Дряннь погода. Предрекаю тебе.

Девушка та повидать тебя приходила?

Никто меня видать не ходил.

Он ел фасоль из жестянки латунной ложкой.

Я с ней еще разок поговорю, сказал Саттри.

Маккарти К.

М 15 Саттри : роман / Кормак Маккарти ; пер. с англ. М. Немцова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19011-5

Кормак Маккарти — современный американский классик главного калибра, лауреат Макатуровской стипендии «За гениальность», мастер сложных переживаний и нестандартного синтаксиса, хорошо известный нашему читателю романами «Старикам тут не место» (фильм братьев Коэн по этой книге получил четыре «Оскара») и «Дорога» (получил Пулицеровскую премию и также был экранизирован), «Пограничной трилогией» (первый роман которой, «Кони, кони...», получил Национальную книжную премию США и был перенесен на экран Билли Бобом Торнтонем, главные роли исполнили Мэтт Деймон и Пенелопа Крус) и «Кровавым меридианом». Особое место в его наследии занимает эпичная трагикомедия «Саттри» — «немыслимое — и притом совершенно органичное — сочетание „Улисса“ Джеймса Джойса и „Консервного ряда“ Джона Стейнбека» (*New York Times*), «практически автобиография» знаменитого затворника. Итак, место действия — Ноксвилл, штат Теннесси; на дворе 1950-е годы. Корнелиус Саттри, отпрыск богатой семьи, по неизвестным причинам бросил жену с маленьким сыном и поселился в плавучем доме на реке. Он питается рыбой, которую сам выловил, пьет все, что горит (и что приносят друзья), проводит время жизни «в обществе воров, отщепенцев, негодяев... бездельников, грубиянов, пентюхов, убийц, игроков, сводниц... олухов, шмаровозов... и прочих разнообразных и злонамеренных пакостников», но не теряет человеческого достоинства и смотрит на мир с отрешенной непосредственностью.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

КОРМАК МАККАРТИ

САТТРИ

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Шаши Мартынова

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Юлия Теплова, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.07.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-27697-01-R